

„Гапонъ“

повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ

В. Дунина-Марцинкевича.

(Изъ исторіи бѣлорусской письменности ¹⁾).

I.

Время до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, т. е. до послѣдней польско-русской войны, ознаменовалось въ польской литературѣ значительнымъ оживленіемъ въ изученіи мѣстныхъ этнографическихъ элементовъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Польскаго государства. Почти съ начала нашего вѣка въ этой литературѣ начали появляться изслѣдованія о Малороссіи, Бѣлороссіи и Литвѣ; эти области изучались съ исторической этнографической и экономической точки зрѣнія. Такому направленію не мало способствовалъ Виленскій Университетъ, закрытый послѣ польскаго возстанія 30-хъ годовъ; въ немъ сосредоточился цвѣтъ тогдашней польской науки, въ немъ были лучшіе тогдашніе польскіе профессора, изъ него вышли извѣстные ученые. Конечно, наука далеко ушла съ тѣхъ поръ, но однако ко многимъ работамъ того времени изслѣдователямъ Западно-русской старины приходится обращаться и теперь: таковы труды Ярошевича, Нарбутта, Тышкевича и др. Вліяніе Виленскаго университета продолжалось и послѣ его закрытія до событій 63 года, когда началось усиленно расти вліяніе великорусское.

Литературное и научное движеніе того времени, начавшееся въ Бѣлороссіи и Литвѣ, въ основѣ своей было чисто мѣстнымъ движеніемъ; руководителями его были туземные уроженцы, дорожившіе мѣстными интересами, съ любовью обращавшіе свои интеллектуальныя силы на изученіе мѣстной жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Сообразно съ тогдашнимъ поло-

¹⁾ Полное заглавіе этой повѣсти слѣд.: „Hapon, powieść białoruska, z prawdziwego zdarzenia, w języku białoruskiego ludu napisana. Przez Wincentego Duninin-Marcińkiewicza. Minsk, 1855 г.“ (Ст. наст. напечатана въ „Календарѣ Сѣверо-Зап. Края“ на 1888 г.).

женіемъ дѣль, это научное оживленіе шло изъ Польши и потому литература упомянутого направленія до сихъ поръ считается польскою. Однако это не совсѣмъ справедливо, потому что ее можно признать польскою развѣ по языку, на которомъ большая часть ея написана, но по направленію своему ее нужно признать вѣрнѣе всего бѣлорусско-литовскою.

„Политическое событіе,—говоритъ Безсоновъ, нѣкогда сплотившее ихъ суровою силою и именемъ Литвы, отозвалось вновь: усиленно стали всѣ принимать названіе Литвы, литовцевъ, литовскаго и подъ этимъ названіемъ дѣйствовать, по возможности вмѣстѣ, сообща, не всегда къ одной, но по крайности къ нѣсколькимъ сходнымъ цѣлямъ. Недостойно было-бы намъ, по обычаю другихъ, видѣть и здѣсь хитрое укрывательство польщизны или предлогъ затереть все русское: не диво, если полякъ, не имѣя возможности жить въ семь качествъ, преобразался въ Литовца, а Русь одѣвалась Литвою, чтобы отличить себя отъ извѣстнаго руссизма; въ сей формѣ поляки все-таки давали отпоръ исключительности польскою, какъ давало нѣкогда Литовское княжество, а Русь все-таки выводилась на сцену, хотя и подъ собирательнымъ, политическимъ нѣкогда, теперь же народнымъ именемъ Литвы. То была просто и естественно искомая формула хоть какого либо примиренія“ (Бѣлор. Пѣсни). По тогдашнимъ взглядамъ, господствовавшимъ въ Польской литературѣ и обществѣ и поддерживаемымъ русскимъ даже правительствомъ, Бѣлоруссія не различалась отъ Литвы: та и другая считались частями Польши; бѣлорусскій языкъ, называемый большей частью древнимъ именемъ „кревицкаго“, считался смѣсью польскаго съ великорусскимъ.

Какъ ни смутны были понятія многихъ тогдашнихъ ученыхъ объ этнографическомъ и историческомъ различіи Литвы и Бѣлоруссіи отъ собственной Польши, однако они видѣли различіе интересовъ этихъ народностей, сознавали хорошо свои мѣстные интересы того племени, среди котораго они родились, выросли; они стремились придти на помощь этому мѣстному элементу, облегчить страданія простаго народа. Г. Пыпинъ рисуется такое положеніе слѣдующими достойными замѣчанія словами: (стр. 295—6 „Вѣст. Евр.“, 87 г. іюнь).

„Нельзя было не видѣть, что въ западномъ краѣ эти массы были въ громадномъ большинствѣ чужды польскою національности—русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти инья средства просвѣщенія, кромѣ польскихъ, и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ польскаго. Рядомъ съ этимъ была—часто горячая—любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенностямъ, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чужды былъ и народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому

привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ: многіе изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно полонизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „застѣнковой“, „околичной“, шляхтѣ—тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни,—и въ мѣстномъ патріотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патріотизмъ былъ „бѣлорусскій“, но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій—по любви къ территоріальной родинѣ и ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самага бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, его поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ и считался“.

Вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ въ средѣ тогдашней мѣстной бѣлорусской интеллигенціи появилось много собирателей памятниковъ народнаго творчества, каковыми были: Зенькевичъ, Сырокомля, извѣстный польскій поэтъ, бѣлоруссъ по происхожденію и мн. др. Тогда же у многихъ зародилась мысль о возможности создать искусственную бѣлорусскую литературу, представителями которой явились Янъ Чечотъ, Дунинъ-Марцинкевичъ, Маньковскій и мн. др. Кромѣ литературнаго интереса, эти произведенія имѣютъ значеніе чисто этнографическое, такъ какъ авторы ихъ обладали обширнымъ знаніемъ бѣлорусскаго народа, его языка, обычаевъ и обрядовъ, домашней обстановки и проч. Съ этой стороны остатки бѣлорусской литературы имѣютъ глубокой интересъ. При томъ въ настоящее время сочиненія эти составляютъ большую библиографическую рѣдкость. Съ однимъ изъ такихъ произведеній „Гапономъ“, принадлежащимъ перу Викентія Дунина-Марцинкевича¹⁾, мы и намѣрены познакомить читателей.

II.

Содержаніемъ повѣсти служитъ судьба героя ея *Гапона*, по происхожденію крестьянина, который, попавъ въ солдаты, благодаря кознямъ эконома своей помѣщицы, влюбленнаго въ невѣсту Гапона, дослуживается

¹⁾ Дунинъ-Марцинкевичъ родился въ 1807 г. въ Минской губ. Бобруйскаго уѣзда, въ фольваркѣ Понюшкевичахъ, и скончался въ 1885 г. въ мартѣ мѣсяцѣ. Когда печаталась настоящая статья въ 1888 г., то московская цензура выбросила изъ нея біографію Марцинкевича и его портретъ. Къ сожалѣнію я не могу теперь возстановить ни того ни другого.

до офицерскаго чина и женится на давно любимой имъ крѣпостной той же помѣщицы—Катеринѣ. Повѣсть состоитъ изъ 4 пѣсенъ, изъ которыхъ каждая рисуется различные моменты жизни героя.

Въ *первой пѣснѣ* авторъ рисуется живыми красками веселье бѣлорусскихъ крестьянъ; это—одно изъ лучшихъ мѣстъ повѣсти по живости изображенія и вѣрности жизненной обстановки, равнымъ образомъ и по изложению. Передъ читателемъ, хотъ немного знакомымъ съ нашей деревней, рисуется очень оживленная картина веселья, когда крестьянинъ, натовившись отъ непосильнаго труда, спѣшитъ въ корчму, чтобы тамъ, подъ вліяніемъ водки и удалой пляски, сопровождаемой пѣніемъ, отдохнуть на свободѣ, забыться хотъ на нѣсколько часовъ.

Шумъ, крыкъ, гомонъ у карчмѣ.

Кишиць сельскайя дружина,

Пива, мідь, гарелки пье,

Ажъ-ны курица чупрына.

Гаспадары за сталами

Громка гутарку вядуць,

А ландарка зъ ландарамі

Міодъ, гарелку раздаюць.

Хлопцы, дзѣўки, маладзицы

Ля парога гаманяць,

А старыя чараўницы

Цишкомъ ля пѣчи сядзяць.

Апанасъ на скрыпцѣ йграець

Лявониху, то бычка,

Гапонъ жару подавайець:

„Зыграй, крычиць, казачка“!

Ажъ гокнула Кацярынка,

Такъ задаў ей кулакомъ,

„Хадзи, майя ты малинка“!

Дый затупай хадаромъ.

„Ананья рѣжъ вьясѣлу“!

Крычыць громка нашъ Гапонъ,

Дый забраўши ў свиць полы,

Меремъ хохликъ! меремъ ёнь!

То ў прысюдки выкидайець,

Ажъ-ны стогнець падъ нимъ полъ,

То галубца падбивайець,

Ажъ-ны трасецца хахоль.

„Ахъ! ухъ! давай жару,

Давай боли, давай пару“!

Крычиць Гапонъ, дый гуляйець,
Падъ скрыначку падпѣвайець.

„Эй чухъ Кацярынка!

Чабоцики красны;
Каму блищаць, каго любяць
Твои вочки ясны?

„Эй, чухъ Кацярынка!

Твои кудры ўюцца,
Скачець, пляшець, майя мила,
Ажъ щочки трасуцца“.

Трейчи Гапонъ прамахнуў,
Бражджаць ножны зъ вагнивомъ,
Стаў на мѣсць — падругнуў,
Дый затупаў хадаромъ.

Кацярынка-жъ успляснула,
На милинькаго зиркнула,
Хвиць! спадничку разпусцила,
Тречи запяткомъ падбила,

Дробны ножки выкидаець,
Чаравички скрыпяць,
А изъ вочакъ ажъ сийяйець,
Бытцемъ искры лецяць.

Русы коски падлятайюць,
Касники якъ жаръ гараць;
А вось выжей якъ заграйюць,
Такъ и возьме прыпѣваць:

„Милы Харто, милы Саўка,
Да милѣйшижъ мой Гапонъ,
Хахоль ясны, поясъ красны,
А галасокъ! кабы звонъ.
Ня хачу Саўки, Хартона,
Мнѣ жыця съ ними ня быць,
Валѣй майго Гапона,
Съ нимъ ня буду я тужиць“!

Пяйець, пляшець, падбивайець,
Усякъ вокамъ за ней бродзець,
Якъ ластачка падплывайець,
Ажъ-ны хочацца глядзѣць.

Ананя—воўча юха!
То ўже нечаго маниць!
Ярка рѣже изъ завуха,

Ажъ скрипка яго звиниць.

Мяцелицу пробирайе,
Йомка, громка, ладны чась!
Дробна шыкамъ подсѣкайе,
Звиниць рымка—гудзиць бась,
Локець ё уперши ў бруха,
Ля кабылки насъ дзяржаў,
Дали сцыхнуў—дый зь завуха
На лявониху падняў.

Схваціў Гапонъ Кацярынку,
Смѣла къ серцу прыцыхнуў,
Абняўши рукой за спинку,
Лявониху успрыхнуў.

Угрунь за нимъ маладзицы,
Дзѣўки, хлопцы, хто якъ змогъ,
Дражаць чупрыны, спадницы,
Суматоха—што крый Богъ!

Ать пылу ажъ пацямнѣла,
Хохать, лопать, шумъ да крыкъ,
Якъ у гаршку закипѣла,
Якъ на быдла напаў зыкъ.

Той ўпрысядки, той выкидки,
Чупрыны, якъ ицець, дражаць,
Тая бокамъ, тая скокамъ,
Дай такъ возьмуць припѣваць:
„Ахъ, калижъ я ў матульки была,
Якъ вишенька ў садочку цвѣла,
Паналася злomu духу, мужику,
Йонъ высушиў, якъ лицинку у духу.
Наѣхала повенъ дворъ татароў,
Да узялижъ майгожъ мужа у палонъ.
Не жальжежъ мнѣ, што яго узяли,
Толька шкода, што ня крѣпка звязали;
Йонъ паганецъ уцячець, уцячець,
Мнѣ галоўку натаўчець, натаўчець.
Требажъ будзя сцяражцыся, уцякаць,
Съ варабьями падъ страхою начаваць“.

Дали крикнула Тацяна,
Абняўши за шню Яна:

„Пашоў Янка у грыбы,
Тацяна у апенки;

Спаткалися, абнялися,
Якъ дзѣтки маленьки“.

А за нею Халимонь,
Гудзиць якъ царкеўны звонь:

„Ой Боже мой, Боже!
На што я радзиўся;
Состарѣўся якъ сабака,
Досюль ня жаниўся“.

Пярастаў—Ганка спляснула,
Дый тоненька зацянула:

„На улицы курта бреше.
А да мене милый чеше,
А чи чеше, чи ня чеше,
Да ня даромъ курта бреше“.

Вотъ такъ пляшучь, припѣвайюць,
Хохать, лопать, брыкъ и зыкъ,
Ажъ падъ пыль падлятайюць,
А якъ рѣзаў—рѣже смыкъ!

Однако гулянье на этотъ разъ окончилось для молодежи весьма печально: экономя съ войтомъ явились въ самый разгаръ гульбы, они пришли забрать изъ молодежи рекрутовъ. Всѣ бросились, кто куда могъ, одинъ только Гапонъ „хвациў за колъ“ и началъ обороняться. Долго съ нимъ не могли справиться, но наконецъ экономя догадался: онъ забросалъ его кожухами, подушками и проч., такъ что Гапону нельзя было повернуться; его связали, заковали въ колодки и сдали въ солдаты.

Во *второй пѣснѣ* авторъ знакомитъ читателя съ героемъ и героинею своей повѣсти: *Гапономъ и Катериною*:

„У вяликамъ ў сялѣ
Надъ Днѣпроўскай стараною,
На прыгорку ў вуглѣ,
Межъ лѣсамъ, да межъ ракою,
Тамъ стаяли двѣ хацины,—
Усцины, друга Гарпины.
Першай мужикъ быў Миронь:
Невѣсь за якіе грѣхи,
Ня дажиў зъ сына пацѣхи,
А той сынъ—быў нашъ Гапонъ.

Йонъ—нема чаго казаць!
Горды, смѣлы,—зухъ дзяцина!
За сваихъ умѣў стаяць,
А прыгожи якъ малина,

Да и письменны-жь быў йонь:
 На яго саўсихъ старонь
 Дзѣўки сумаўчкомъ зиркали,
 На игрыщахъ присядали;
 А Гапонъ ани глядзиць,
 Йонь при сужаной дзяўчинѣ,
 Наймилѣйшай Кацярынѣ,
 Якъ прысядзе—дыкъ сядзиць.

У ўдавы же Агрыпины,
 Апрычъ дочки Кацярыны,
 Болий не было сваихъ;
 Ена съ Усцинней кумойю
 Жила якъ рука съ рукойю.
 Адна дума была ў нихъ,
 Штобъ сваихъ дзѣтакъ засватаць,
 Штобъ худобку имъ прыпратаць,
 Штобъ якъ сядуць на сваёмъ,
 Яны весяла зажили;
 Безъ патрэбы ня тужили,
 Ня рупели ня обь чомъ.

У Грыпины-жь Кацярына,
 Крый Боже! бяды ня знала,
 Якъ у садочку малина,
 Расла, цвяла, даспѣвала:
 На щочкахъ кроў съ малакомъ,
 А вочки блищаць агнёмъ,
 И семнадцать уже лѣтъ,
 Якъ прышла яна на свѣтъ.

Нужъ зъ сабой кумы сайдуцца,
 Тутъ заразъ гадки начнуцца,
 Пара, бачъ, дзяцей жаниць;
 Яно ўсяки адкладъ,
 Ня вельми идзе на ладъ;
 Пойдамъ Пани чаломъ биць:
 А тамъ—дзѣйся Божа воля!
 Якъ прыбяромъ ўсе съ поля,
 Дзѣтакъ къ вянцу повядомъ.
 Гетакъ стары гуманили,
 И напеўна улажили,
 Да памѣшаў Аканомъ.

Далѣе разсказывается довольно обыкновенная исторія временъ крѣпостнаго права:

„Йонъ — бачъ ты, сабачи сыну,
Уподобаў Кацярыну,
Дый нужъ къ бѣдной прысядаць;
То ластачкай падпылайе,
Красны слаўца выпускайе,
Штобъ якъ небудзь яѣе ўняць.

А Кацярына нябога!

„Бойся, каже, Паничъ, Бога!!
Ета жъ грѣхъ така напасць;
Якъ пожалюся Гапону,
Йонъ пеўне такога гону
Паничу цишкомъ задасць,
Што зубоў не пазбирайешъ,
И ахвоту пацярайешъ
Чужихъ навѣстакъ кмулиць“.

Команъ Гапона злякаўся,
На часъ адстаў, да заклаўся
Маладыхъ йонъ пагубиць“.

Приведенная характеристика героя и героини повѣсти не отличается, какъ видно, поэтическими красотами; въ художественномъ смыслѣ она весьма слаба, но за то вѣрна дѣйствительности: она вполне составлена въ народномъ духѣ, соотвѣтствуетъ его понятіямъ о красотѣ и удалствѣ. Далѣе авторъ излагаетъ, какъ удалось эконому отомстить Гапону, какъ сопернику, и Катеринѣ за нанесенную ею ему обиду. Отъ корчмаря Ицки эконому узнаеть, что Гапонъ собирается засылать сватовъ къ Катеринѣ безъ предварительнаго разрѣшенія помѣщицы, и кромѣ того, что Гапонъ, узнавъ о томъ, что скоро будутъ набирать рекрутовъ, бунтуетъ деревенскую молодежь. Эти извѣстія даютъ эконому случай поиздѣваться надъ Гапономъ и въ то-же время заставить помѣщицу сдать его въ солдаты, не дожидаясь набора. Расправа пана эконома съ подвластнымъ ему крестьяниномъ—случай весьма обыкновенный въ тогдашней жизни, описанъ у автора со всею рѣзкостью, характеризующею тогдашнія отношенія. Экономъ призываетъ къ себѣ Гапона и не ожидающаго, быть можетъ, грозы:

„Рыжи вусы Аканома

Щецю уверхъ поднялись;
Зиркнуў скоса на Гапона,
Вочи кроўю залились,
Губы страшна накривиў.
Кнутъ у жмени ажъ тращиць:

Якъ къ Гапону падступіў,
 Такъ и ўзяў яго сучиць:
 „Якъ ты смѣешь, воўча юха!
 Безъ двора у сваты слаць?“
 И брызнула аплявуха,
 Што Гапонъ ледзь могъ ўстаць.
 „Ось я табѣ, ўражи сыну!
 Якъ адвѣшу сатни дзвѣ,
 То забудзешь Кацярыну,
 Да забудзешь и самъ гдзѣ“.
 Гапонъ на бокъ пашатнуўся,
 Тварь далоняю закрыў,
 Наакола аглянуўся,
 Да за таўкачъ ухвациў.
 „Кабъ я Бога ня баяўся,
 Показаў бы я табѣ!!
 Чаго ты тутъ прискенаўся:
 Думаешь, баюсь цябе?
 Пани за то ня сярдицца,
 Хоць шлюць сваты безъ двора,
 А пазваляе жаницца,
 Якъ каму на то пара:
 А ты! маўляў, ваўкулака,
 Здекуешься тутъ надъ нами;
 Сцяражися жъ ты, сабака!
 Помни, што и мы зъ зубами“!
 Каманъ якъ ту рѣчь сумѣў,
 До стадолы пабѣжаў,
 Гапонъ кончиць ня пасіў,
 Такъ съ карчмы йонъ цягу даў.

На этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, экономъ не остановился: онъ отправляется къ помѣщицѣ, увѣряетъ ее, что Гапонъ бунтуетъ молодежь, убѣждая уйти въ лѣсъ для избѣжанія рекрутскаго набора; какъ спасительное средство, онъ предлагаетъ сдать бунтовца ка немедленно. Помѣщица, запуганная имъ, на все согласна, и Гапона, какъ мы уже видѣли при изложеніи содержанія первой пѣсни, сдаютъ въ рекруты. Катерина не была оставлена экономомъ въ покоѣ: онъ употребляетъ всѣ средства погубить несчастную дѣвушку:

„А Команъ при бѣдной скаче,
 Вотъ налегъ яйе згубиць....
 То прыкинеца къ ней лисамъ,

То са злосци страшнымъ бѣсамъ,
Штобъ якъ небудзь яйе змочъ“.

Чтобы имѣть больше возможности подѣйствовать на свою жертву, онъ даетъ ей работу въ прачечной при дворѣ, отрывая такимъ образомъ отъ любимой матери. Однако случай помогъ Катеринѣ избавиться отъ приставаній эконома и въ то-же время погубить послѣдняго. Служа при дворѣ, она однажды въ саду „ў цемнымъ ў кусточку“ проливала горькія слезы, вспоминая о печальной участи любимаго Гапона. Въ этомъ положеніи застаеть ее помѣщица, спрашиваетъ въ чемъ дѣло, и узнаеть всю правду. Возмущаясь поступкомъ своего служащаго, она тотчасъ-же выгнала эконома изъ своего имѣнія, а Катерина:

„Якъ пакайова дзяўчина,
Пры пани стала служиць;
Пани яйе полюбила,
Читаць, писаць наўчила.
На ксенжцѣ Бога хвалиць“.

На этомъ заканчивается вторая пѣсня. Содержаніемъ *третьей*—служить рекрутскій наборъ въ г. Могилевѣ, на которомъ самъ экономъ попадаетъ въ солдаты. Эта часть повѣсти, не отличаясь художественными красотою, тѣмъ не менѣе весьма интересна, такъ какъ обильна чисто народными сравненіями и оборотами.

„У горадзѣ Магилевѣ,
Пры шырокамъ пры Дняпрѣ,
Гудзиць кабы шершни у дрэвѣ,
Кипиць якбы у катлѣ.

Тамъ улицаю Панъ гониць,
Каляска стралой ляциць,
Падъ каньми ажъ зямля стониць,
А хварысь, падзи, крычиць!

Тутъ сустрѣнешь каламажку,
Вотъ коники! глядзь! кругомъ
Гладки—ляцяць у размашку;
Гета, пеўне, Аканомъ.

Дали хтось тамъ на драбинѣ,
Коникъ бытцемъ ракъ паўзе,
Згадайешь па кислай минѣ,
Што пацесора вязе.

А тамъ хвурманакъ багата,
Маўляў, грибоў у бару;
Глядзишь!—то нашаго брата
Вязуць на службу Цару.

Кабы галодны сабаки,
 Такъ жидоўски лапсардаки
 Лезуць къ табѣ якъ сабаки;
 Пападзисе-жъ имъ у когци,
 Наўрадъ патрафишъ ихъ змогци,
 Вытрыбушаць карманъ твой.

Вотъ у каменны палаты,
 Сходзяцца паны багаты,
 Золота на нихъ кипиць:
 Мужикоў туды-жъ прыводзяць,
 И аднадворцы приходзяць,
 Тамъ на службу майюць брыць.

На сярэдзинѣ святлицы
 Стаиць столь накрыць сукномъ,
 Пры нёмъ, съ крыжамъ у пятлицы,
 Падпёршыся кулакомъ,
 Ясны Маршалакъ сядзиць;
 Ёнъ, маўляў, рабинъ у школѣ,
 Чи якъ хвурманъ у стадолѣ,
 Важна такъ на ўсихъ глядзиць!

Направа панъ вельми сроги,
 Вусы якъ у быка роги,
 Вотъ такъ старчмойю стаяць;
 Воласы яго сивеньки;
 Мундзиръ на нёмъ галубеньки,
 На грудзяхъ крыжи блищаць.

А за нимъ якись пузаты,
 Бытцемъ мядзвѣдзь такъ косматы,—
 Гета дохторъ майе быдзь;
 Руки за сабой трымае,
 Пальцами пярабирае,
 Дый часто у карманъ глядзиць.

Съ лѣвой стараны Маршалка,
 Тоненьки, просты якъ палка,
 На розумъ, видна, хицёръ!
 Ёнъ съ надлобья паглядаець,
 У рудѣ пяро тримаець:
 Гета, кажуць, пракуроръ,

На канцѣ якись вайсковы,
 Смаглы, видны и здаровы,
 Прыгоженьки кавалеръ!

Часта йонъ на стойку вокамъ
Мециць у раздумьи глубокамъ:
То прыйомный ахвицеръ.

Вотъ съ кресла Маршалъ схвацѣся,
Усѣмъ у поясъ покланиѣся,
Табакеркай заскрыпѣѣ;
Дали крыкнуѣ на дзорцу;
„Нехай начнуѣ яднадворцы“!
Дый зноѣ на мѣста прысѣѣ.

Тутъ ля бакавой раздаѣся
Святлицы жалобны стонъ,
И найперший показаѣся
Нашъ знайомы Аканомъ.

Якъ прышла пляхцѣ травога,
Штабъ бумаги ѣсякъ складаѣ,
Команъ, съ дапущеня Бога,
У яднадворцы папаѣ.

И вотъ, маѣляѣ, ня урокамъ
Кажучи, пагана чесць!
Треба-жъ, быттабы нарокамъ
На очередзь яму ѣлесць.

Якъ вала вядуць на бойку,
Такъ Аканомъ падъ стойку,
Йонъ-же не пацягне й ногъ;
Да скорчиѣся у клубочакъ,
Съ дахтура ня сводзиць вочакъ,
А такъ стогня, што крый Богъ!

Дохтаръ важна прыступайе,
И некрута аглядайе,
Зубы, ноги, боки, станъ;
Патуль кала няго тупаѣ,
Пакуль кругомъ ня ащупаѣ,
Ватъ, маѣляѣ, каня цыганъ.

Видна зъ сабой яны знались,
Пярвѣй, видна, паѣстрѣчались;
Дохтаръ, бачъ, ганьбу нашоѣ.
Каже, у службу ня гадзица,
Яму треба палячицца,
Да и мѣры ня дашоѣ.

А некрутъ: „Маи паночки,
Вы ясные сакалочки!“

Гдзѣ тутъ хвораму служиць,
 Вотъ такъ коле миѣ у грудзи,
 Што сухвоты кажуць людзи,
 И у баку вельми балиць“.

Кабы варамъ абліў плечи,
 Якъ пачуў гетаки рѣчи,
 Нашъ малады ахвицеръ,
 Йонъ съ мѣста свайго самкнуўся,
 Пры іекруцѣ апынуўся,
 Глядзиць бытцемъ лихи звѣрь.
 Падъ стойкай яго прастуйе,
 Струной сягне, дый мацуѣе,
 А у бораду кулакомъ
 Якъ парадкамъ яму суне,
 Глядзи! вотъ саўсिमъ ачуне
 Нашъ несчасны Аканомъ.

„На што людзей, каже, звадзиць.

Йонъ мѣру наветъ праходзиць.

Я бяру на свой атвѣтъ;

Яка тутъ къ чорту хвароба?

Здаць!—а пасля будзе проба.

Возьмемъ яго ў лазаретъ“.

Дохтаръ кяшеню пачухаў,
 Маршалъ табачки панюхаў,
 Некрутъ жаласна запѣў;
 Сударга на Аканома
 Напала, пазнаў Гапона,
 Дый за страху абамлѣў.

На этомъ кончается содержаніе третьей пѣсни. Содержаніемъ *четвертой пѣсни* служитъ свадьба Гапона. Пока послѣдній служитъ въ войскахъ, Катерина живетъ у помѣщицы при дворѣ, въ качествѣ ея „покоевой“:

„Цяперъ нашу Кацярыну,

Туйу сельскую дзяўчину,

Штобъ сустрѣў—ня пазнаў:

Паньску говарку сумѣла,

И сукеначку надзѣла,

Быцемъ паненка, маўляў!

Однако она не перемѣнилась и въ душѣ осталась вѣрной своему Гапону, часто тосковала по немъ:

„Гдзѣжъ Гапонка нашъ дзяецца,

Якъ бѣднаму тамъ вядзецца“?

Такъ часто говаривала она своей старушкѣ матери. Однажды, распѣвая за работой съ своей госпожей „святы пѣсни“, онѣ узнаютъ, что къ господскому двору пріѣхалъ какой то офицеръ. Когда въ комнату вошелъ

„Пригоженьки ахвицеръ;

Красны, видны и здаровы,

Золатамъ блищиць мундзеръ“,

—въ немъ Катерина узнала своего возлюбленнаго. Послѣдній, упавъ передъ бывшей своей помѣщицей на колѣни, просилъ выдать за него Катерину; просьба его, конечно, была исполнена, и скоро начались свадебныя приготовления. Описание свадьбы у автора вполне соглашается съ народными обычаями бѣлорусскихъ крестьянъ; оно не лишено живости и занимательности. Мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„Вотъ у удавы Агрипины,

Гаспадароў повянь дворъ,

А на перадзѣ дружины

Стаиць важна свать Хвядоръ;

У рукахъ съ гарелкай пляха,

А чарка тоўста якъ воць,

Миргнуў!—и Маланя сваха

Абрусомъ накрыла столъ.

Йонъ пляшку съ чаркой паставиў,

Разны закуски дабавиў.

Дый съ галавы шапку сняў;

Агрыпинѣ пакланиўся,

Водки да яйе напиўся,

И таки рѣчи начаў.

„Нехъ бендзе Езусъ Христусъ похвалёны!

Для спасення грѣшныхъ зъ Марыи жоны.

Ня прышлы мы чарадой отъ сябе,

Да прислаў насъ Гапонъ да цябѣ.

Есць у цябе Кацярынка дочка,

Яна у маці якъ правайя вочка;

Дый Гапонъ нашъ малады,

Йонъ Цару вѣрна служиў,

Чиноў, почасцей нажиў,

Хватъ дзяцгена—хоць куды!

Бьомъ мы ўсѣ чаломъ Вашеци!

Зазави яйе изъ клѣци,

Няхай зъ нами пагуляйе,

Дый гарелки паспытайе“.

Тутъ дзяўчата, маладзицы

Кацярынку изъ святлицы
Чесна падъ ручки вядуць,
И такі пѣсни плійюць:

„Отожъ табѣ, Хвѣдарка,
Увядзенка Кацярынка,
Кали яйе любишь, дай пирогъ,
Кали ня любишь—то вонъ за парогъ!
Ня хваліся што у насъ быў,
Што нашай Кацярынки нязлюбіў“.
Хведаръ маладу ўстрѣчайе.

Поўнай чаркай прапывайе,
Пирогъ, сыръ кладзе на столъ;
Гарелка у миски льецца,
Рублявикъ на днѣ кладзецца.
Разгуляўся сватъ вясель.

А дзѣўкі водку забралі,
Закускі, пирогъ и сыръ,
У истопку пабяжалі,
Галасіўшы на ўвесь міръ;
Уздаволь тамъ пили, ѣли,
И гэтакі пѣсни пѣлі:

„Мовіла бочачка, у піўніцы стаячы,
Кали мяне ня высьеце,
Сама выкачуся,
На дварѣ разальюся,
Ракой да врыницай,
Сцюдзенай вадзіцай.
Мовіла Кацярынка, у маці седзячы:
Кали мяне ня выдасі,
То я сама пайду;
Па дварѣ памаленьку пабраду,
За варота угрунъ пабягу“.

Тутъ яны у позню ночку,
Ажъ да яснаго святочку
Пили, ѣли, дый гулялі,
Запойны праважалі.

А ў субботу вячаркомъ,
За Грыпіннымъ сталомъ,
Сядзѣла така дружина:
На начеснамъ на куцѣ,
Важна говарку вядзе

Перша сваха Акулина.

Дружки ўправа возлѣ свахи,
Дзвѣ пригожи маладзицы,—
То Гапонавы сестрицы,
Хоць ня адной яны маці.

Ўлѣва намѣсникъ сядзиць,
Жадна на пляшку глядзиць.
Дали сустрѣнешь Гапона,
Дружкаў Янку и Мирона,
На канцѣ-жъ хростны Данило,—
То маладаго вазило.

А свать Хведаръ то и дзѣла
Гарелку ўсцяжъ падливае,
Новы закуски стаўляе,
Шираги, сыръ, што прыспѣла!

Тутъ чатыры маладзицы,
Цягнуць дзяжу изъ святлицы,
На крыжу яйе стаўляюць,
Бѣль Каравай разчиняюць;
Сваха муку имъ прыносць,
Дый благословення просиць:

„Йосць тутъ Богъ, дый татка,
Радзоньіе и сусѣды близкіе,
И дальныя, мужи сустрѣчныя,
Бабы запечныя,
Дзѣтки заплечныя,
Благословице краснай паннѣ каравай учиниць“!

Каравайкижъ при рабоцѣ
Пяюць у доброй авхоцѣ:

„Благаславице людзи!
Близкіе сусѣдзи,
Гетаму дзицяци,
Каравай замясиць.
Ручкамі бѣленькімі,
Персценыя залаценькімі,
Пѣснямі вяселенькімі.
Ты ступъ, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяперъ треба,
Памагаў разчিনিць,
Памагай замясиць.
Ня стой, Боже, за дзвярамі

Да йдзи Боже, у хату,
 Да сядзь, Боже на куць,
 Да дай долю маладзѣ“!

— „Я у хату ня пайду,
 Я за дзверами пастайю,
 Маладзѣ долю пярашлю.
 Зберайся, родзе!
 Да къ бѣлянѣкаму каравайю,
 Старые бабы ля парадку,
 Маладые маладзицы пѣсни пѣць,
 Удалые малайцы каравай пець“.

Да штобъ ўсе разказаці,
 Яки парадакъ у хаці,
 Якъ змавіны атбылі,
 Дый каравай атпякли
 Якъ хлопцы, дзѣўкі скакали
 Лявоніху, то бычка,
 Мяцелицу, казачка,
 Якъ маладуйю сажали
 На пасадъ—казка така,
 Што ня сталабъ языка.

Вотъ прышла нядзѣлька красна,
 Засвяціла зара ясна,
 Гапонъ нашъ мундзиръ надзеў;
 Щіра уздыхнуў да Бога!
 Сѣў на каня варанога,
 Дый къ маладой паляцѣў.

А дружбы Янка съ Миронамъ
 Вихрамъ садзиць за Гапонамъ:
 Слѣдамъ хлопцаў грамады
 Ляциць—пѣсни запявайець,
 Вѣцерь світки развевайець,
 Ну! прыгожа череда!

На канцѣ вазкомъ Данила
 Гудзиць!—сколька зможе сила,
 Канемъ музыку вязе.
 Ананя жъ прыпѣвайець,
 Йомка смыкомъ подсѣкайець,
 Не заўважиў, што трасе.

Якъ заѣхала дружина;
 Съ хаты вышла Агрыпина,

Надзѣши кажухъ наѣзнакъ;
 Чарку Гапону падно жць,
 У святлицу зайци просиць,
 И рѣчи выводзиць такъ:

„Зяценка!

Пью на цябе поўнымъ кубкамъ,
 Добрымъ здароўемъ,
 Што мысля сабѣ,
 То и табѣ“.

Гапонъ чарку бяре ў руки,
 Двойчи вылиў за сябѣ,
 А треци разъ для выруки
 Бѣлы рублявикъ кладзе.
 Грыпина чарку прымае,
 У святлицу запрашае.
 Дзѣўки-жъ карагодамъ, ходзяць,
 Жалобны пѣсни заводзяць:

„Хто у поли пацяхоньку гукаець?
 Тамъ Кацярынка сваго татки шукайець,
 Хоць шукайець, не знайдзѣць.
 Ой далека йой татачка далека,
 У сырой зямлі у жоўтымъ пяску глубока:
 Да зрабили добры людзи вѣчны домъ,
 Безъ дзвярей, безъ аконачки, безъ сонца,
 Ня прамоўлю, дзицятка, ня слоўца“.

Тутъ настала частованя,
 Дый падаркаў раздавання,
 Сотню паясаў, маўляў!
 Свата ручникомъ звязали,
 Баклагу у руки ткали,
 Штобъ гарелки большъ достаў.

Лубку съ ситамъ падстаўляюць,
 Маладу на ней сажаюць,
 Якъ каралеўну на урадь,
 Янажъ усцяжъ галосиць,
 Кругомъ паклоны разносиць,
 Дый зноў сядзе на пасадь.
 Дзѣўки-жъ, хлопцы, пьюць, гуляюць,
 Падъ скрыпачку падпяваюць:

„Скочила Кацярынка съ лаўки да лаўки,
 Скланилася мамачѣ низку у ножки,

Коскаками зямлю пакрыла,
 Слезкамі ножкі памыла.
 Карыся, Кацярынка, стараму,
 Кланяйся і маладому,
 Зь паклонаў галоўка ня балиць,
 Стары і малы благасловиць“.

Якь, бачь, нявѣсту прыбраві,
 Да двора такь паскакалі
 Яснай пани чаломъ бичь,
 На вяселля папрасиць.
 А пани — не пани, маці!
 Маўляў радному дзицяци,
 Прыгожи пасагъ дала,
 Радосну слёзку уранила,
 Маладыхъ благаславила,
 Сама къ вянцу павяла.

Ксендзъ маладыхъ снатыкайе,
 На ўсе жицё ихъ случайе;
 А якъ скончиўся абрадъ,
 Скрыпцамі загудзѣлі,
 Дружки весяла запѣлі,
 Дый вярнуліся назадъ.

Паню на кутъ запрасілі,
 Пры ней Ксендза пасадзілі,
 Сватъ парадкамъ начаў чесць;
 Пива, медъ ракой ліліся,
 Каўбаса зь саломъ нашліся,
 Уздволь было пиць, ѣсць.

Дзѣўкі, хлопцы, маладзіцы,
 Цѣлу ночку па святліцы,
 Бадзяліся, хто якъ змогъ:
 Якъ ў гаршку тамъ кипѣла,
 Ать пылу ажъ пацямнѣла,
 Суматоха—што крыў Богъ!

Я на томъ вяселлі быў,
 Пива, медъ, гарелкі піў,
 У роцѣ здаволь было,
 Ажъ па барадзѣ цякло“.

III.

Мы разсмотрѣли содержаніе повѣсти Дунина-Марцинкевича „Гапонъ“. Какъ видно, главная цѣль ея—показать, что добродѣтель вознаграждается, а порокъ наказывается. Въ самомъ дѣлѣ, добродѣтельные герой и героиня повѣсти много перенесли горя отъ коварнаго эконома; но, послѣ долгихъ испытаній, ихъ желанія сбываются и они вполнѣ вознаграждены послѣдующимъ счастьемъ; въ то-же время, экономъ, копавшій подъ другимъ яму, самъ попадаетъ въ нее. Такимъ образомъ „Гапона“ нужно отнести къ ряду *нравоучительныхъ повѣстей*, что составляетъ отличительный признакъ тогдашней мѣстной бѣлорусской литературы. Марцинкевичъ отдалъ долгъ своему времени. Однако дидактизмъ его повѣсти преслѣдуетъ и болѣе глубокую цѣль, чѣмъ одно простое нравоученіе: желая своими трудами принести полезную пользу какъ „панамъ“, такъ и „хлопамъ“, авторъ имѣетъ въ виду еще и другую цѣль. Такъ, кромѣ вышеуказанной цѣли, въ повѣсти проводится еще и другая мысль: авторъ хочетъ доказать, что помѣщики часто вводятся въ заблужденіе своими-же безнравственными слугами, какимъ здѣсь является экономъ; но сами паны „добродѣтельны“ и потому, узнавъ о коварствѣ, стараются вознаградить по возможности пострадавшихъ.

Такого рода направленіе обще большинству тогдашнихъ мѣстныхъ писателей, которые видѣли въ литературѣ средство для проведенія нравственныхъ идей, средство для поученія.

Такъ понималъ свою задачу и авторъ разбираемой повѣсти. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: „Пиша ее (повѣсть), я имѣлъ цѣлью, чтобы наши помѣщики, при выборѣ въ помощь себѣ официалистовъ, обращали серьезное вниманіе на ихъ характеръ и нравы; ибо они злоупотребляютъ иногда ввѣренной имъ властью, изъ своихъ видовъ губятъ рабочій людъ, и чрезъ это весьма часто безъ вины возбуждаютъ его ненависть на пановъ“. Желая поучить пановъ въ этомъ смыслѣ, онъ и рѣшается „выпустить въ свѣтъ свою повѣсть, взявши содержаніе изъ правдиваго случая“, чтобы слѣдовательно, поученіе его могло быть тѣмъ сильнѣе.

Характеръ отношеній между панами и хлопами понимается авторомъ довольно наивно; но въ этихъ его словахъ нельзя не видѣть другой задачи, которую преслѣдовали и другіе современные ему мѣстные писатели (напр. Янъ Чечоть)¹, хотя и понимали ее весьма неопредѣленно и наивно. Смотри

¹) Такъ, напр., Янъ Чечоть говоритъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій: „Быть можетъ, онѣ (стихотворенія на бѣлорусскомъ языкѣ) проникнутъ какъ нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ нравственности“ (А. Пыпинъ „Бѣлор. пѣсни“. В. Евр. 1887 г., май, р. 217).

въ то время на литературу, какъ на средство для проведенія различныхъ идей, они и обращались къ ней для своей проповѣди, писали повѣсти, рассказы, стихотворенія, рисовавшіе въ розовыхъ краскахъ отношеніе „добрыхъ пановъ“ къ „милымъ, добрымъ хлопамъ“. Тогдашніе писатели (по преимуществу, конечно, мѣстные бѣлорусскіе и литовскіе уроженцы, которымъ ближе были эти вопросы), поучая пановъ, не понимали причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникало разъединеніе мѣстныхъ бѣлорусскихъ и польскихъ интересовъ. Отличіе бѣлоруссовъ отъ поляковъ они видѣли только въ „схизмѣ“ — православной религіи, но и оно уничтожалось для большинства памятью о недавней уніи въ значительной части населенія. На бѣлоруссовъ они смотрѣли, какъ на тѣхъ-же поляковъ, только говорящихъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ польскаго и великорусскаго; въ остальномъ они не видѣли разницы между полякомъ и бѣлоруссомъ, называя бѣлорусскихъ крестьянъ „нашими“. Между тѣмъ такой взглядъ на бѣлоруссовъ, какъ на разновидность поляковъ и на Бѣлоруссію, какъ часть Польши кореннымъ образомъ рознился съ тѣмъ, что замѣчалось ими въ дѣйствительности. Тутъ они видѣли безпрестанную борьбу польскаго и бѣлорусскаго элементовъ, недовѣрчивое отношеніе другъ къ другу. Представители обоихъ племенъ, живя совмѣстно на одной территоріи, имѣли въ то-же время различныя цѣли въ своихъ стремленіяхъ. Поляки или ополяченные бѣлоруссы тянули къ Польшѣ и католичеству, бѣлоруссы — къ православію. Польскіе писатели того времени, видя общность славянскаго происхожденія того и другого племени, не понимали, что при этомъ общемъ славянскомъ происхожденіи между обоими племенами лежитъ коренное различіе въ ихъ культурѣ, историческихъ началахъ развитія и языкѣ, который не составляетъ смѣси польскаго съ великорусскимъ, но составляетъ, какъ показали ученныя изслѣдованія, самостоятельную вѣтвь славянскаго языка.

Бѣлоруссы и поляки воспитались на различныхъ національныхъ основахъ, успѣли выработать, каждое племя отдѣльно, задатки самостоятельной культуры, когда имъ пришлось соединиться въ одно государство (послѣ Люблинской, конечно, уніи). Писатели указаннаго направленія, зная о государственномъ соединеніи Польши, Литвы и Бѣлоруссіи до 1793 г., послѣ уничтоженія политическаго существованія Польскаго государственнаго тѣла, стремились найти способъ культурнаго сліянія племенъ и при томъ на почвѣ польскихъ національныхъ началъ.

Писатели указаннаго направленія видѣли только внѣшнее политическое соединеніе Бѣлоруссіи съ Польшей, считая его (а многіе и до сихъ поръ считаютъ) „братскимъ союзомъ“ двухъ народовъ; оба народа имъ казались близки по происхожденію, слѣдовательно, могли сойтись, но при этомъ союзъ предполагался съ точки зрѣнія исключительно польской. Они забывали, что пронасть, лежавшая между обѣими народностями, была поло-

жена именно во время политической ихъ уніи, тогда именно и обострились обоюдныя ихъ отношенія, такъ какъ время это было временемъ борьбы двухъ культурныхъ началъ.

Вообще, взаимныя отношенія обѣихъ народностей могла бы выяснить только наука, но польская наука (въ общемъ, конечно) того времени не стояла выше чисто польскихъ аристократическихъ тенденцій, а русская только зарождалась¹⁾.

Къ разряду писателей указаннаго направленія принадлежитъ всецѣло и авторъ „Ганона“. Видя въ повѣсти средство для нравоученія, Дунинъ-Марцинкевичъ заходитъ слишкомъ далеко, придавая огромное воспитательное значеніе своему труду. Кромѣ указаннаго, онъ еще полагаетъ, что его повѣсть можетъ служить для читателей — крестьянъ — убѣдительнымъ примѣромъ того, какъ „трезвый, безупречный нравомъ (obuczajów nieposzłakowanusch), и притомъ храбрый, даровитый и исполнительный въ службѣ крестьянинъ (chlonek)“ всегда получить награду у правительства (ojcowskiego Rządu); поэтому, прочтя его повѣсть, многіе изъ крестьянъ съ охотой отдадутся службѣ, тогда какъ вообще они служатъ весьма неохотно. Кажется, не смотря на прекрасныя намѣренія автора, нечего и доказывать, что трудъ его не соотвѣтствуетъ высокимъ его цѣлямъ.

Мы остановились подробнѣе на предисловіи автора, выражающемъ его взглядъ на свое назначеніе потому, что эти взгляды не принадлежатъ ему исключительно, но выражаютъ взгляды почти всѣхъ мѣстныхъ писателей того времени²⁾.

Для цѣлей, которыя имѣлъ авторъ при изданіи своей повѣсти, она не могла имѣть особеннаго значенія, но за то его труды имѣютъ еще и въ настоящее время большое значеніе, котораго, быть можетъ, не подозрѣвалъ творецъ ихъ; значеніе это заключается въ бытовой сторонѣ повѣсти и ея языкѣ. Языкъ вездѣ представляетъ чистое Минское нарѣчіе, весьма хорошо и точно переданное. Авторъ прекрасно знаетъ бытъ крестьянъ и описанія бытовой обстановки составляютъ лучшія мѣста повѣсти, какъ, напр., описаніе гулянья въ корчмѣ, свадьбы и др.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ схвачена съ поразительной вѣрностью и проницательностью бытовая обстановка жизни бѣлорусса, наконецъ, авторъ старается по возможности отразить въ своемъ произведеніи складъ умственныхъ понятій бѣлорусса: въ его сравненіяхъ, напр., въ третьей пѣснѣ, въ описаніи движенія въ городѣ, засѣданія присутствія выражается богат-

1) Объ этихъ отношеніяхъ см. подробнѣе въ статьяхъ нашихъ; „Докторъ Францискъ Скорина“ („Минскій Листокъ“ за 1888 годъ №№ 42, 44) и „Бѣлорусское прошлое“ („Минскій Листокъ“ №№ 53, 57, 58, 62, 64, 82 и 86 за 1888 г.).

2) См. Статьи А. Пыпина „Бѣлорусская этнографія“ въ „В. Евр.“ 1887 г., май.

ство своеобразнаго бѣлорусскаго юмора и тонкой наблюдательности; онъ вѣрно рисуеть типическія особенности характера бѣлорусса. Произведеніе его важно по той любви, по тому теплomu чувству къ судьбѣ крестьянина, къ его горю и радости, которыя вложилъ въ свое произведеніе авторъ.

Закончимъ нашъ бѣглый очеркъ указаніемъ на тотъ фактъ, что, не смотря на 40 почти лѣтъ, прошедшихъ со времени перваго изданія „Гапона“, повѣсть эта и теперь еще не изгладилась изъ памяти бѣлорусскаго крестьянина: намъ удавалось слышать отрывки изъ него въ разныхъ мѣстахъ Минской губерніи. Многіе изъ крестьянъ, особенно старики, знаютъ фамилію автора, а иногда даже содержаніе повѣсти, но большинство считаетъ его произведеніе чисто народнымъ. Наболѣе извѣстное мѣсто, которое чаще всего приходится слышать,—это первая половина первой пѣсни—веселье въ корчмѣ.